

Е.В.Клименко

ИЗОБРЕТЕНИЕ «ЧУЖОГО» И КОНСТРУИРОВАНИЕ ГРАНИЦ: «ИНТЕГРАЦИЯ МИГРАНТОВ» В РОССИЙСКОЙ ПРЕССЕ По материалам «РОССИЙСКОЙ ГАЗЕТЫ»

Ключевые слова: интеграция мигрантов, медиа, контент-анализ, Россия

Какими бы ожесточенными ни были споры вокруг подлинной сущности, оснований необходимости, ключевых задач и эффективных инструментов интеграции мигрантов¹, провозглашение последней одним из приоритетных направлений миграционной политики нередко трактуется как свидетельство ее либерализации и даже гуманизации. Миграционная политика, ориентированная на интеграцию мигрантов, рассматривается как альтернатива рестриктивному подходу к управлению миграционными процессами, предполагающему не только ужесточение миграционного законодательства и применение преимущественно полицейских мер в регулировании миграции, но и ассимиляцию (добровольную или принудительную) мигрантов.

В последние годы в России тема интеграции мигрантов становится все более популярной в рамках активного обсуждения проблемы миграции. Интерес к ней нашел отражение и в целом ряде принятых в 2000—2010-х годах нормативных документах — Концепции демографической политики Российской Федерации на период до 2025 г. (утверждена указом президента от 9 октября 2007 г.)², Концепции долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 г. (утверждена распоряжением правительства РФ от 17 ноября 2008 г.)³, Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 г. (утверждена указом президента от 19 декабря 2012 г.)⁴, Концепции государственной миграционной политики Российской Федерации на период до 2025 г. (утверждена указом президента от 13 июня 2012 г.)⁵, Указе президента от 7 мая 2012 г. «Об обеспечении межнационального согласия»⁶, — а также в разработанном Федеральной миграционной службой РФ проекте закона «О социальной и культурной адаптации и интеграции иностранных граждан в Российской Федерации»⁷.

Но соответствует ли реальное содержание концепта «интеграция мигрантов» его восприятию в качестве показателя «гуманитарного

¹ О возможных подходах к интеграции мигрантов в российских условиях см. Мукомель 2008; Сунгуров 2011; Полетаев 2014; Малахов 2015. Эмпирические исследования социального исключения и интеграции мигрантов в российское общество см. Бредникова, Ткач 2010; Александров, Баранова, Иванюшина 2012; Флоринская 2012; Варшавер, Рочева 2014; Григорьева, Мукомель 2014; Деминцева, Пешкова 2014; Чупик 2014.

² Концепция 2007.

³ Концепция 2008.

⁴ Стратегия 2012.

⁵ Концепция 2012.

⁶ Указ 2012.

⁷ Законопроект 2014.

поворота» в российской миграционной политике? Не является ли его массивное использование еще одной «вуалью», под которой скрывается практика дискурсивного конструирования границ и установления дистанции между принимающим сообществом и мигрантами? В настоящей статье предпринята попытка ответить на эти вопросы через анализ репрезентации концепта «интеграция мигрантов» в российских СМИ. Нас интересовало, каким образом общественная дискуссия вокруг данной темы формирует образ мигранта и миграции и способствует закреплению определенного типа отношений между мигрантами и принимающим сообществом.

⁸ Berger, Luckmann 1966.

В основе подобного подхода лежит представление о социальной реальности как неотделимой от (типа) знания о ней⁸. Социальная реальность существует для социальных акторов лишь будучи опосредована тем знанием о ней, которым эти акторы обладают. В то же время знание о социальной реальности участвует в ее конструировании, то есть (вос)производстве в ходе социальной практики: субъективные значения, которые социальные акторы придают своему миру, институционализируются, превращаясь в объективные социальные структуры, а те, в свою очередь, становятся частью используемых акторами систем значений, тем самым ограничивая свободу их действий.

⁹ Foucault 1975.
¹⁰ Ван Дейк 2013.

Отношения знания здесь понимаются как имманентно связанные с отношениями власти: власть не просто основывается на том или ином типе знания, она постоянно (вос)производит его, а оценка того или иного типа знания как истинного не только зависит от сложившихся властных отношений, но и делает возможным осуществление власти⁹. Само знание о социальной реальности трактуется как имеющее дискурсивную природу¹⁰: такое знание (вос)производится посредством дискурса как формы социальной (коммуникативной) практики, и тот или иной тип знания находит свое выражение в соответствующем типе дискурса.

¹¹ Becker 1963.
¹² О дискурсе миграции как средстве производства дискриминационных практик см. Карпенко 2002.

Если само обсуждение проблемы становится средством ее конструирования¹¹, то характер обсуждения ложится в основу практики (в данном случае — разнообразия дискриминационных практик¹²). А значит, те, кто организует такое обсуждение, несут ответственность за последствия создаваемых и распространяемых ими репрезентаций социальных процессов, событий, явлений. В первую очередь это касается медиа, занимающих важное место среди производителей знания о социальной реальности, претендующего на (общезначимость). В частности, формируя широко распространенный тип знания о миграции и мигрантах, именно они оказываются агентами мигрантофобии в современной России

Настоящее исследование построено на контент-анализе медиа-текстов, в которых затрагивается тема интеграции мигрантов. Но прежде чем переходить к его описанию, целесообразно вкратце остановиться на содержании обоих терминов — «интеграция» и «мигранты».

В научной литературе, да и в нормативных документах, понятия интеграции и адаптации нередко разводятся: интеграция и адаптация предстают одновременно и как разные уровни включенности (конкретного мигранта или группы мигрантов) в социум, и как разные объемы усилий, прилагаемых (как мигрантами, так и принимающим сообществом) с целью такого включения. Участие в академической дискуссии по поводу необходимости различения понятий «интеграция» и «адаптация» не входит в задачи данной статьи. Поскольку в СМИ эти понятия чаще всего употребляются как взаимозаменяемые, мы будем использовать их аналогичным образом.

Мигрантов, «подлежащих» интеграции/адаптации, обычно подразделяют на несколько групп: беженцы и вынужденные переселенцы, искатели политического убежища, соотечественники, иммигранты, приезжающие на постоянное место жительства и стремящиеся получить российское гражданство, и, наконец, трудовые мигранты, прибывающие в Россию на более или менее длительный срок. Предполагается, что подход к интеграции/адаптации этих групп мигрантов должен быть дифференцированным. Так, В.И.Мукомель¹³ не только выделяет три группы мигрантов, нуждающихся в социальном включении (соотечественники и гастарбайтеры, которым показана адаптация; иммигранты, которым требуется интеграция), но и рассматривает разные сферы — языковую, культурную, социальную, экономическую — адаптации/интеграции мигрантов. Предметом нашего анализа является дискурс интеграции *трудовых мигрантов*.

¹³ Мукомель 2008б.

Анализ осуществлялся на основе текстов, опубликованных в период с 2000 по 2014 г. в печатной и электронной версиях «Российской газеты» (далее — РГ); поиск велся по ключевым словам: «адаптация мигрантов», «интеграция мигрантов». Выбор текстов РГ в качестве материала для анализа не случаен. Во-первых, будучи официальным органом правительства РФ, РГ выражает позицию власти по различным проблемам общественной жизни. Во-вторых, как принято считать, РГ отличается сбалансированным подходом к освещению тем, связанных с миграцией¹⁴. В рамках своего исследования мы хотели не только прояснить специфику дискурса интеграции мигрантов, воспринимаемого как официальный, но и определить, насколько обоснована оценка этого дискурса как свободного от мигрантофобии.

¹⁴ См., напр. Зверева 2014.

Приступая к работе, мы сформулировали совокупность исследовательских вопросов: с какой интенсивностью обсуждается рассматриваемая тема? в каких жанрах происходит обсуждение? кто в нем участвует? в каком контексте оно ведется? как оценивается миграция *per se*? в чем видится цель интеграции мигрантов? с чем связывается их социальное исключение? каковы предполагаемые инструменты интеграции мигрантов? на кого возлагается ответственность за осуществление интеграционных усилий? В соответствии с поставленными вопросами были установлены категории анализа: год публикации, жанр и тематика текста, значимость темы интеграции мигрантов в его рамках, субъект и характер высказывания.

При первом (предварительном) чтении отобранных для анализа текстов был определен круг тем, субъектов и характеров высказывания. Используя принцип тематического преобладания, то есть оценивая отношение объема фрагментов, посвященных той или иной теме, к общему объему текста (в словах), мы зафиксировали такие темы, как миграция и миграционные проблемы, межэтнические отношения, проблемы демографии, интеграция мигрантов. В число субъектов высказывания вошли: журналисты, эксперты, чиновники, политики, деятели науки/искусства / общественные деятели, представители общественных организаций и землячества мигрантов, рядовые мигранты, рядовые россияне. Что касается характера высказываний, то были выделены следующие их типы: миграция как угроза (экономическая, социальная, криминальная, культурная, политическая) или ресурс (экономический, демографический, культурный, политический); интеграция мигрантов как способ нейтрализации угрозы или использования ресурса; причины социального исключения мигрантов (языковой и культурный барьеры, политико-правовые обстоятельства, негативное отношение принимающего сообщества, социально-экономические проблемы); инструменты интеграции мигрантов (обучение языку, истории, культуре и законодательству России, легализация, изменение отношения принимающего сообщества, решение социально-экономических проблем).

В рамках категорий «год публикации», «жанр публикации», «тема публикации» единицей анализа выступал текст в целом; в рамках категорий «субъект высказывания», «характер высказывания» — смысловая единица текста. Всего было проанализировано 78 текстов.

* * *

Наибольший интерес к интеграции мигрантов РГ демонстрировала в 2013 г., когда на ее страницах появилось 20 текстов, полностью или частично посвященных этой теме. В 2011 г. таких текстов было 12, в 2010, 2012 и 2014 гг. — по девять. Обсуждение темы интеграции мигрантов происходило преимущественно в жанре информационных сообщений (58% текстов). 23% текстов составляли интервью, 16,5% — аналитические материалы, 2,5% — репортажи.

Тема интеграции мигрантов является для авторов РГ откровенно второстепенной. За рассматриваемый период она стала предметом лишь 18 самостоятельных публикаций (23% от общего числа текстов, в которых она так или иначе затрагивалась). Гораздо чаще интеграция мигрантов фигурирует в качестве одной из тем в материалах, посвященных миграции в целом (39 текстов), межэтническим отношениям (17 текстов) или проблемам демографии (3 текста). При этом в 39% случаев объем фрагментов, где идет речь об интеграции мигрантов, не превышает 10% от общего объема текста, в 18% случаев составляет от 11 до 25% и в 9% случаев — от 26 до 50% общего объема. Нередко обращение к данной теме сводится к простому ее упоминанию — констатации

социального исключения мигрантов или указанию на необходимость их интеграции. Другими словами, тема интеграции мигрантов занимает маргинальное положение в общей дискуссии о проблемах в сферах миграции и межэтнических отношений.

В изображении авторов РГ миграция чаще всего предстает явлением, ставящим под удар благополучие как России в целом, так и ее граждан. С нею связывается целый ряд различных угроз: криминальная угроза (общее ухудшение криминальной обстановки; рост преступности, включая организацию нелегальной миграции и преступления, совершаемые мигрантами; коррупция в правоохранительных органах; терроризм) — 35% текстов; социальная угроза (усиление нагрузки на систему социального обеспечения и ЖКХ; рост безработицы, алкоголизма и наркомании в принимающем сообществе; повышение уровня ксенофобии, обострение социальных конфликтов) — 30% текстов; экономическая угроза (потеря налоговых поступлений в результате уклонения от уплаты налогов мигрантов и их работодателей; консервация низкой производительности труда; замедление темпов модернизации экономики, неразвитость наукоемких ее отраслей) — 10% текстов; угроза российской (и русской) культуре (размывание культурных ценностей, утрата культурной самобытности) — 10% текстов. В одной статье с миграцией связывается угроза политической стабильности Российской Федерации.

Реже миграция рассматривается как ресурс, который может быть использован во благо страны и ее граждан. Так, в 32% текстов указывается на сопряженные с ней экономические выгоды (удовлетворение потребности в трудовых ресурсах, рост экономики, увеличение налоговых поступлений и ВВП); в 24% — на ее роль в решении демографических проблем; в 3% — на возможность использования миграции для расширения влияния России на постсоветском пространстве.

Подобное восприятие миграции во многом определяет представления о сущности и смысле интеграции мигрантов, которая гораздо чаще трактуется как средство нейтрализации угрозы, исходящей от мигрантов и миграции *per se* (40% текстов), нежели как способ реализации заключенного в них потенциала (24% текстов).

Довольно примечателен и отстаиваемый авторами РГ взгляд на причины фактического социального исключения мигрантов и препятствия к их интеграции. В 45% случаев таковыми объявляются культурная дистанция и языковой барьер. Предполагается, что мигранты маргинализированы главным образом или исключительно потому, что не знают русского языка, не знакомы с российской (или русской) культурой. В 23% текстов препятствующим интеграции мигрантов фактором названо негативное отношение к ним со стороны принимающего общества (обусловленное в том числе различного рода манипуляциями со стороны политических предпринимателей). Только в 13% текстов затрагиваются политико-правовые аспекты социального исключения мигрантов и препятствия к их интеграции, порождаемые несовершен-

ством миграционного законодательства и сложностью легализации на территории РФ. Что касается социально-экономических факторов, затрудняющих интеграцию (дискриминация при трудоустройстве и аренде жилья, отсутствие доступа к системе социального обеспечения), то они упоминаются лишь в 5% текстов.

Пониманию причин социального исключения мигрантов соответствуют и предлагаемые инструменты их интеграции. Основным из них выступает обучение языку, культуре и основам законодательства РФ (45% текстов). Изменение отношения принимающего сообщества к мигрантам упоминается в 17% текстов. В качестве фактора, способствующего решению этой задачи, фигурирует также легализация (как посредством изменения миграционного законодательства, так и через оказание мигрантам правовой помощи с целью облегчить им соблюдение уже действующих норм и требований) — 15% текстов. При этом легализация нередко отождествляется с фактическим ужесточением контроля над въезжающими в Россию: по мнению ряда авторов, минимизируя возможности для нелегального проникновения на территорию РФ и проживания на ней, такой контроль сам по себе будет работать на интеграцию мигрантов. И лишь в 8% случаев последняя связывается с решением социально-экономических проблем, ведущих к исключению мигрантов (обеспечение приемлемых жилищных условий и возможностей для профессиональной подготовки и переподготовки, социальная защита и защита от злоупотреблений со стороны работодателей).

Среди субъектов высказывания предсказуемо лидируют журналисты (68% текстов), за ними следуют чиновники (50%), эксперты (45%), политики (14%), деятели науки, искусства и общественные деятели (13%). Гораздо реже приводятся высказывания представителей общественных организаций и землячеств мигрантов (5% текстов)¹⁵, а также рядовых россиян (4%). Еще хуже обстоит дело с высказываниями рядовых мигрантов: за рассматриваемый период таковое обнаружилось лишь в одном тексте.

В соответствии со сложившимся на страницах РГ способом репрезентации концепта «интеграция мигрантов» последние предстают в качестве некоего неразделимого множества. Среди них слабо выделяются (или не выделяются вообще) граждане разных стран, представители разных конфессиональных, гендерных, профессиональных и иных групп. Если дифференциация «подлежащих» интеграции мигрантов и проводится (что бывает крайне редко), то преимущественно по таким критериям, как:

- страна исхода («В последние годы мы наблюдаем приток мигрантов не только из стран ближнего зарубежья, которые в большей или меньшей степени находились в сфере советской, российской культуры, русского языка и имели предпосылки для более или менее органичной интеграции в новую среду обитания. Вместе с тем многие мигранты прибывают уже из стран дальнего зарубежья... они преимущественно не знакомы ни с языком, ни с традициями,

¹⁵ Отметим, что в одном из четырех случаев появления на страницах РГ высказывания представителя землячества мигрантов оно приводилось в сугубо негативном контексте, а сам текст представлял собой описание всевозможных нарушений и злоупотреблений в сфере миграции.

¹⁶ *Абрамян 2006.*

ни с культурой российского общества. Процесс их интеграции в российское общество сопряжен с еще большими усилиями как со стороны этих мигрантов, так и со стороны властных и правоохранительных структур Российской Федерации»¹⁶);

¹⁷ *Макарычев 2012.*

— возраст («24 процента тех, кто оттуда [из стран СНГ — *Е.К.*] приезжают к нам, родились после 1986 года. Значит, как правило, не учились в школе русскому языку. В 2010 году таких лиц было на 2% меньше. За год эта категория увеличилась. Это очень тревожный симптом. Об Украине речь не идет, это славянский народ, и языковые проблемы нивелируются. Но представители государств Центральной Азии часто приезжают в Россию, не владея языком, без навыков, без профессии»¹⁷).

В итоге складывается представление о своеобразной иерархии способных к интеграции (или требующих меньших усилий для ее осуществления) мигрантах. Мигрант из Украины или Белоруссии в этом смысле предпочтительнее мигранта из Средней Азии или Закавказья, а тот, в свою очередь, выигрывает у выходца из стран дальнего зарубежья. Среди же граждан постсоветских государств преимущество у тех, кто родился до 1986 г. Примечательно также, что если специфика интеграции детей мигрантов обсуждается в РГ достаточно подробно, то женщины как категория, требующая особого подхода, полностью выпадают из поля зрения ее авторов.

¹⁸ *Фалалеев 2013.*

Особого внимания заслуживает дифференциация мигрантов по уровню квалификации. На страницах РГ неоднократно упоминается, что требования «подтверждать специальным сертификатом владение русским языком, знание истории и основ государственности при обращении за обыкновенной рабочей визой, видом на жительство и разрешением на работу или патентом... не касаются приглашенных на работу в Россию высококвалифицированных специалистов»¹⁸. При этом главным — и, по сути, единственным — индикатором уровня квалификации оказывается размер заработной платы: высокой считается квалификация человека, получающего более 2 млн. рублей в год. Вопрос об оправданности подобного отношения к высококвалифицированным (точнее, высокооплачиваемым) мигрантам даже не ставится. Иными словами, финансист из США a priori рассматривается как менее нуждающийся в интеграции (или лучше интегрированный), чем разнорабочий из Таджикистана. Так на культуроцентризм в обсуждении темы интеграции мигрантов накладывается классицизм, и социально-экономические обстоятельства переопределяют конфигурацию этнических, языковых, культурных границ.

Формируемый в РГ образ мигранта предельно деиндивидуализирован; он складывается из самых общих характеристик при полном игнорировании измерения, связанного с судьбами конкретных людей. Показательно, что лишь в одной из 78 публикаций, полностью или частично посвященных интеграции мигрантов, приводится рассказ об опыте миграции и интеграции от первого лица.

Мигранты предстают как некие «они», отделенные и от тех, кто высказывается о них на страницах РГ, и от читателей. В свою очередь и высказывающиеся, и читатели воспринимаются как «мы», слитые в единую коллективную личность. Причем как при описании «их» и «нас», так и при проведении границы между «ними» и «нами» культурные индикаторы (владение языком, знакомство с историей и традициями, принятие ценностей) используются чаще, а значит, маркируются как более значимые, чем социальные (образование, семейное положение, сфера занятости). Сама культура принимающего сообщества — «наша» культура — изображается в качестве гомогенной и неизменяемой; все «мы» являемся ее носителями. Столь же гомогенной и неизменяемой выглядит и «их» культура. Между этими двумя внутренне однородными культурными «субстанциями» устанавливается дистанция, которая рисуется как объективно существующая и фиксируемая:

«В советское время в Москву приезжали лучшие представители союзных республик, творческая и интеллектуальная элита. Они приносили свою культуру, впитывали русскую. А сегодня к нам приезжают самые бедные представители бывших советских республик, которые и русский-то язык не знают. Как правило, они живут в мегаполисе обособленно, боятся идти на сближение с коренным населением. Они видят вокруг другой уклад жизни, другую культуру, может быть, более открытую, если хотите „попсовую“, но в которой нет места привычным для них национальным особенностям. Мигрант невольно отделяется от коренного и постоянного населения Москвы, испытывая неприятие к чужому»¹⁹.

¹⁹ Пуля 2006.

Такая абсолютизация культуры приводит к тому, что проблемы, связанные с миграцией (прежде всего проблемы взаимоотношений между мигрантами и коренным населением), описываются в терминах культуры. Аналогичным образом интерпретируются и любого рода сложности — социальные, экономические, коммуникативные, бытовые, — возникающие у человека в связи с переменой места жительства. Среди наиболее ярких примеров — объяснение систематического нарушения работодателями или коррумпированными сотрудниками правоохранительных органов прав мигрантов незнанием последними языка, культуры и традиций принимающего сообщества. Теми же причинами объясняют и рост мигрантофобии среди членов этого сообщества. Так на жертву возлагается ответственность за совершаемые в отношении нее преступления, за преследования, которым она подвергается.

Структурные факторы — как социального исключения мигрантов, так и их интеграции — оказываются забыты в угоду культурным, а сама миграция трактуется как досадное и временное явление. Интеграция мигрантов видится в том, что они осваивают культуру принимающего сообщества. Воспроизводимое на страницах РГ представление об интеграции сводится примерно к следующему: «они» должны научиться жить по «нашим» правилам, поскольку пребывание на «нашей» территории ставит «их» в заведомо подчиненное по отношению к «нам» положение.

Закономерно, что в подобных условиях правом голоса в обсуждении темы интеграции мигрантов обладают лишь представители принимающего сообщества: эксперты, чиновники, журналисты. Мигрант же, воспринимаемый исключительно как объект «интегрирующего воздействия», этого права лишен. Примечательно, что при этом он оказывается единственным, кто должен прилагать усилия, направленные на интеграцию; от членов принимающего сообщества таких усилий не ожидается. Тем самым мигрант парадоксальным образом становится объектом обсуждения и субъектом действия. Вне зависимости от того, трактуется ли интеграция как средство нейтрализации исходящих от мигрантов угроз или как способ реализации порождаемых ими возможностей, и эти угрозы, и эти возможности рассматриваются под углом зрения принимающего сообщества. Мигрант здесь нечто почти неодушевленное; в худшем случае — требующая нейтрализации угроза, в лучшем — готовый к использованию ресурс.

* * *

Подводя итоги, можно констатировать, что на страницах РГ утвердился специфический способ репрезентации концепта «интеграция мигрантов», который, с одной стороны, является частью широкого дискурса миграции, а с другой — существует на стыке с дискурсом межэтнических отношений. Он поддерживается как минимум с 2000 г., несмотря на произошедшие с тех пор изменения в сфере миграционной политики. Появление нормативных актов, в той или иной степени ориентированных на адаптацию/интеграцию мигрантов, лишь интенсифицировало обсуждение интеграционного аспекта миграции, характер же обсуждения остался неизменным.

Утвердившийся способ репрезентации рассматриваемого концепта формирует негативный образ мигрантов; будучи центрирован вокруг проблемы безопасности принимающего сообщества, он одновременно включает в себя элементы культурного расизма. В его рамках мигранты предстают «чужими», отделенными от принимающего сообщества языковым и культурным барьерами и находящимися с ним в субъект-объектных отношениях. Этот способ репрезентации участвует в конструировании представления о принимающем сообществе как о культурно гомогенной «субстанции», нуждающейся в защите от угрозы, исходящей от таких же культурно гомогенных «мигрантов», а также в закреплении между ними отношений власти-подчинения.

Библиография

Абрамян А. 2006. Исторический вопрос // *Российская газета*. 24.05 (<http://www.rg.ru/2006/05/24/istor-vopros.html>).

Александров Д.А., Баранова В.В., Иванюшина В.А. 2012. Дети и родители — мигранты во взаимодействии с российской школой // *Вопросы образования*. № 1.

Бредникова О., Ткач О. 2010. Дом для Номады // *Laboratorium*. № 3.

Ван Дейк Т. 2013. *Дискурс и власть: Репрезентация доминирования в языке и коммуникации*. — М.

Варшавер Е., Рочева А. 2014. Сообщества мигрантов в Москве: механизмы возникновения, функционирования и поддержания // *Новое литературное обозрение*. № 127 (<http://www.nlobooks.ru/node/5184>).

Григорьева К., Мукомель В. 2014. Мигранты и россияне на рынке труда: условия, режим труда, заработная плата // Мукомель В.И. (ред.) *Мигранты, мигрантофобии и миграционная политика*. — М.

Деминцева Е., Пешкова В. 2014. Мигранты из Средней Азии в Москве // *Демоскоп Weekly*. № 597—598.

Законопроект «О социальной и культурной адаптации и интеграции иностранных граждан в Российской Федерации». 2014 (<http://forum.zakonia.ru/showthread.php?t=237326>).

Зверева Н. 2014. Дискурсы о мигрантах в современной российской прессе: стратегии борьбы за значение // *Новое литературное обозрение*. № 128.

Карпенко О. 2002. «...И гости нашего города...» // *Отечественные записки*. № 6.

Концепция государственной миграционной политики Российской Федерации на период до 2025 года. 2012 (<http://kremlin.ru/acts/15635>).

Концепция демографической политики Российской Федерации на период до 2025 года. 2007 (<http://demoscope.ru/weekly/knigi/konceptsiya/konceptsiya25.html>).

Концепция долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года. 2008 (<http://base.garant.ru/194365/>).

Макарычев М. 2012. Персона нон миграта: Интервью с главой ФМС К.Ромодановским // *Российская газета*. 16.02 (<http://www.rg.ru/2012/02/16/fms-poln.html>).

Малахов В.С. 2015. *Интеграция мигрантов: концепции и практики*. — М.

Мукомель В.И. 2008а. Миграционная политика и политика интеграции: социальное измерение // Горшков М.К. (ред.) *Россия реформирующаяся*. Вып. 7. — М.

Мукомель В.И. 2008б. Новая миграционная политика России: издержки идеологии // *Moldoscopie (Probleme de analiza politica)*. № 3 (XLII) (http://www.isras.ru/files/File/Publication/Novaya_migratz_Mukomel.pdf).

Полетаев Д. 2014. Мигрантофобия и миграционная политика // Мукомель В.И. (ред.) *Мигранты, мигрантофобии и миграционная политика*. — М.

Пуля И. 2006. Рабочий момент истины: Интервью с председателем Комитета межрегиональных связей и национальной политики

Москвы А.Александровым // *Российская газета*. 12.05 (<http://www.rg.ru/2006/05/12/migranty.html>).

Стратегия государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года. 2012 (<http://base.garant.ru/70284810/>).

Сунгуров А.Ю. 2011. Миграционная политика: сравнительный анализ зарубежного опыта и некоторые рекомендации для России // *Публичная политика — 2010: Сб. статей*. — СПб.

Указ президента РФ от 7 мая 2012 г. № 602 «Об обеспечении межнационального согласия» (<http://base.garant.ru/70170940/>).

Фалалеев М. 2013. Гастарбайтеров обяжут говорить по-русски // *Российская газета*. 14.05 (<http://www.rg.ru/2013/05/14/migranti-site.html>).

Флоринская Ю.Ф. 2012. Миграция семей с детьми в Россию: проблемы интеграции (По материалам социологических опросов Центра миграционных исследований) // *Проблемы прогнозирования*. № 4 (<http://www.ecfor.ru/pdf.php?id=2012/4/09>).

Чупик В. 2014. Дискриминация мигрантов в России // Мукомель В.И. (ред.) *Мигранты, мигрантофобии и миграционная политика*. — М.

Becker H.S. 1963. *Outsiders*. — Glencoe.

Berger P.L., Luckmann T. 1966. *The Social Construction of Reality: A Treatise in the Sociology of Knowledge*. — L.

Foucault M. 1975. *Surveiller et Punir: Naissance de la Prison*. — P.

References

Abramjan A. 2006. Istoricheskij vopros // *Rossijskaja gazeta*. 24.05 (<http://www.rg.ru/2006/05/24/istor-vopros.html>).

Aleksandrov D.A., Baranova V.V., Ivanjushina V.A. 2012. Deti i rodi-teli — migranty vo vzaimodejstvii s rossijskoj shkoloj // *Voprosy obrazovani-ja*. № 1.

Becker H.S. 1963. *Outsiders*. — Glencoe.

Berger P.L., Luckmann T. 1966. *The Social Construction of Reality: A Treatise in the Sociology of Knowledge*. — L.

Brednikova O., Tkach O. 2010. Dom dlja Nomady // *Laboratori-um*. № 3.

Chupik V. Diskriminacija migrantov v Rossii // Mukomel' V.I. (ed.) *Migranty, migrantofobii i migracionnaja politika*. — M.

Deminceva E., Peshkova V. 2014. Migranty iz Srednej Azii v Moskve // *Demoskop Weekly*. № 597—598.

Falaleev M. 2013. Gastarbajterov objazhut govorit' po-russki // *Rossij-skaja gazeta*. 14.05 (<http://www.rg.ru/2013/05/14/migranti-site.html>).

Florinskaja Ju.F. 2012. Migracija semej s det'mi v Rossiju: problemy integracii (po materialam sociologicheskikh oprosov Centra migracionnyh issledovanij) // *Problemy prognozirovanija*. № 4 (<http://www.ecfor.ru/pdf.php?id=2012/4/09>).

Foucault M. 1975. *Surveiller et Punir: Naissance de la Prison*. — P.

Grigor'eva K., Mukomel' V. 2014. Migranty i rossijane na rynke truda: uslovija, rezhim truda, zarabotnaja plata // Mukomel' V.I. (ed.) *Migranty, migrantofobii i migracionnaja politika*. — M.

Karpenko O. 2002. «...I gosti nashego goroda...» // *Otechestvennye zapiski*. № 6.

Koncepcija demograficheskoj politiki Rossijskoj Federacii na period do 2025 goda. 2007 (<http://demoscope.ru/weekly/knigi/koncepciya/koncepciya25.html>).

Koncepcija dolgosrochnogo social'no-ekonomicheskogo razvitiya Rossijskoj Federacii na period do 2020 goda. 2008 (<http://base.garant.ru/194365/>).

Koncepcija gosudarstvennoj migracionnoj politiki Rossijskoj Federacii na period do 2025 goda. 2012 (<http://kremlin.ru/acts/15635>).

Makarychev M. 2012. Persona non migrate: Interv'ju s glavoj FMS K.Romodanovskim // *Rossijskaja gazeta*. 16.02 (<http://www.rg.ru/2012/02/16/fms-poln.html>).

Malahov V.S. 2015. *Integracija migrantov: koncepcii i praktiki*. — M.

Mukomel' V.I. 2008b. Novaja migracionnaja politika Rossii: izderzhki ideologii // *Moldoscopia (Probleme de analiza politica)*. № 3 (XLII) (http://www.isras.ru/files/File/Publication/Novaya_migrac_Mukomel.pdf).

Mukomel' V.I. Migracionnaja politika i politika integracii: social'noe izmerenie // Gorshkov M.K. (ed.) *Rossija reformirujushhajasja*. Vyp. 7. — M.

Poletaev D. 2014. Migrantofobija i migracionnaja politika // Mukomel' V.I. (ed.) *Migranty, migrantofobii i migracionnaja politika*. — M.

Pulja I. 2006. Rabochij moment istiny: Interv'ju s predsedatelem Komiteta mezhregional'nyh svjazej i nacional'noj politiki Moskvy A.Aleksandrovyim // *Rossijskaja gazeta*. 12.05 (<http://www.rg.ru/2006/05/12/migranty.html>).

Strategija gosudarstvennoj nacional'noj politiki Rossijskoj Federacii na period do 2025 goda. 2012 (<http://base.garant.ru/70284810/>).

Sungurov A.Ju. 2011. Migracionnaja politika: sravnitel'nyj analiz zarubezhnogo opyta i nekotorye rekomendacii dlja Rossii // *Publichnaja politika — 2010: Sb. statej*. — SPb.

Ukaz presidenta RF ot 7 maja 2012 g. № 602 «Ob obespechenii mezhnacional'nogo soglasija» (<http://base.garant.ru/70170940/>).

Van Dijk T. 2013. *Diskurs I vlast': Reprerzentazija dominirovanija v jazyke I kommunikatzii*. — M.

Varshaver E., Rocheva A. 2014. Soobshhestva migrantov v Moskve: mehanizmy vznikovenija, funkcionirovanija i podderzhanija // *Novoe literaturnoe obozrenie*. № 127 (<http://www.nlobooks.ru/node/5184>).

Zakonoproekt «O social'noj I kul'turnoj adaptacii I integracii inostrannykh grazhdan v Rossijskoj Federacii». 2014 (<http://forum.zakonia.ru/showthread.php?t=237326>).

Zvereva N. 2014. Diskursy o migrantah v sovremennoj rossijskoj presse: strategii bor'by za znachenie // *Novoe literaturnoe obozrenie*. № 128.